

УДК 316.4, 325, 338.2

DOI: 10.31857/S268667300010963-9

Миграционный вопрос в системе антикоронакризисного управления Д. Трампа

И.П. Цапенко

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук*

Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6065-790x> e-mail: tsapenko@imemo.ru

Статья поступила в редакцию 26.06.2020.

Резюме: Позиционирование США как главного мирового реципиента мигрантов и одного из крупнейших центров международного туризма и транспортно-пассажирских узлов, стихийный характер большей части миграционных потоков в Америку, преобладание там среди приезжих и их потомков выходцев с глобального Юга объективно повышают эпидемические риски. Эти факторы способствовали проникновению в страну и распространению в ней COVID-19, по заболеваемости которым и смертности от которого США вышли на первое место в мире и в результате оказались в состоянии глубокого и многоаспектного коронакризиса. За многовековую историю иммиграции накоплен опыт противоэпидемических мер в отношении лиц, претендующих на въезд в США. Этот опыт, вписывающийся в традиции рестриктивной иммиграционной политики, позволил выстроить комплексную межведомственную систему борьбы с коронакризисом. Миграционная политика, в основу которой был положен принцип «Америка прежде всего», стала концентрированным выражением целей обеспечения национальной безопасности и социальной защиты населения, сплетённых воедино и воплощённых в мерах поддержания санитарно-эпидемической безопасности и протекционизма в отношении местных работников в условиях локдауна. Введённые запреты на въезд в США лиц, побывавших до этого в странах с неблагополучной эпидемической ситуацией, ограничения на передвижения населения через границы США с Мексикой и Канадой, приостановка въезда ряда категорий иммигрантов и временных иностранных работников призваны замедлить распространение коронавируса и смягчить его негативные социально-экономические последствия для местного населения. Эпидемия стала мощным катализатором долгосрочных преобразований иммиграционной политики, начавшихся с приходом к власти Д. Трампа, и усиления её рестриктивного характера. В то же время в результате ограничительных инициатив пострадали международный транспорт и туризм, ожидается резкое сжатие денежных переводов мигрантов в страны Юга, нанесён удар по международной системе защиты беженцев, осложняются международные отношения США, усиливается вероятность переориентации части интеллектуальных потоков и несомых ими дивидендов с США на другие мировые центры миграционного притяжения.

Ключевые слова: трансграничная мобильность, миграция, пандемия, COVID-19, коронакризис, Д. Трамп, иммиграционная политика.

Для цитирования: Цапенко И.П. Миграционный вопрос в системе антикоронакризисного управления Д. Трампа. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2020; 50(9): 22-43. DOI: 10.31857/S268667300010963-9

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00001 А «Глобальные и региональные последствия

экономической политики США во втором – начале третьего десятилетия XXI века: новые вызовы и возможности для России».

The Migration Issue in D. Trump's Coronacrisis Management System

Irina P. TSAPENKO

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, Profsoyuznaya St., 117997, Moscow, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6065-790x> e-mail: tsapenko@imemo.ru

Received 26.06.2020.

Abstract: Positioning of the USA as the main global recipient of migrants and one of the largest centers of international tourism and passenger hubs, spontaneous nature of a large part of migration flows to America, predominance of people with global South background among foreign borne and their descendants, etc., objectively increase epidemic risks. These factors contributed to the penetration of COVID-19 into the country and its spread. The USA came out on top in the world in terms of the new virus morbidity and mortality and were struck by a deep and multifaceted coronacrisis. The experience of anti-epidemic control of people applying for entry into the United States was accumulated over the centuries-old history of immigration. Such experience fits into the tradition of restrictive immigration policies and has facilitated building a comprehensive whole-of-government system to combat the coronacrisis. The migration policy, based on the principle of “America First,” has become a concentrated expression of strategic tasks to ensure national security and social well-being of the population, woven together and embodied in measures to maintain sanitary and epidemiological safety and social protection of local workers under lockdown conditions. Bans on the entry into the United States of people who have previously visited countries with an unfavorable epidemic situation and restrictions on the movement of people across the borders of America with Mexico and Canada were introduced, as well as the suspension of the entry of several categories of immigrants and temporary foreign workers designed to slow down the spread of coronavirus and mitigate its negative socio-economic consequences for the local population. The epidemic has become a powerful catalyst for the long-term transformations of immigration policy that began with the coming to power of D. Trump, and the strengthening of its restrictive nature. At the same time, restrictive initiatives have affected international transport and tourism, are leading to a sharp contraction of migrant remittances to the countries of global South, hit the international refugee protection system. International relations of the United States are becoming more complicated, and the likelihood of a reorientation of some intellectual flows from the United States and dividends they bear to other world centers of migration gravity is increasing.

Keywords: cross-border mobility, migration, pandemic, COVID-19, coronacrisis, D. Trump, immigration policy.

For citation: Tsapenko I.P. The Migration Issue in D. Trump's Coronacrisis Management System. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2020; 50(9):22-43. DOI: 10.31857/S268667300010963-9

Acknowledgement: The reported study was funded by RFBR, project number 20-014-00001 A "Global and Regional Effects of US Economic Policy in the second - the beginning of the third decade of the 21st century: New Challenges and Chances for Russia".

ВВЕДЕНИЕ

В США, как и в большинстве стран глобального Севера, иммиграция и иммиграционная политика относятся к числу главных вопросов политической повестки, партийных и президентских предвыборных программ и традиционно находятся в центре политических баталий. Эпидемия коронавируса, по заболеваемости которым и смертности от которого США вышли на первое место в мире, ещё сильнее заостряет общественные проблемы, связанные с трансграничной мобильностью. В условиях пандемии, когда резко повышается значение санитарно-эпидемической и социально-экономической слагаемых национальной безопасности, в системе мер по защите здоровья и благополучия населения возрастает роль управления трансграничной мобильностью. В связи с этим заслуживает рассмотрения ряд актуальных вопросов. В какой мере миграционный фактор способствовал пандемии? Какие миграционные меры предпринимались против эпидемии администрацией Д. Трампа и к каким международным последствиям они привели и ещё могут привести?

МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР ЭПИДЕМИЧЕСКИХ УГРОЗ

В условиях вступления США в четвёртую стадию эпидемиологического перехода, знаменующую стабилизацией и снижением смертности от сердечно-сосудистых и некоторых онкологических заболеваний, одновременно появляются новые, очень опасные инфекции [Омран А.Р., 2019]. Очевидно, что любое государство, если оно не является закрытой от внешнего мира островной территорией, подвержено эпидемическим рискам со стороны людских передвижений, и в условиях интенсивной трансграничной мобильности населения возрастают их вызовы медико-биологической безопасности населения страны. Это особенно наглядно показала пандемия коронавируса, главным эпицентром которой весной 2020 г. оказались США, занявшие отнюдь не почётную первую строчку в мировых рейтингах заболеваемости *COVID-19* и смертности от неё. Во многом это связано с неготовностью системы здравоохранения, запоздалыми и неадекватными, и поэтому неэффективными карантинными мерами. Сказывается и фактор иммиграции.

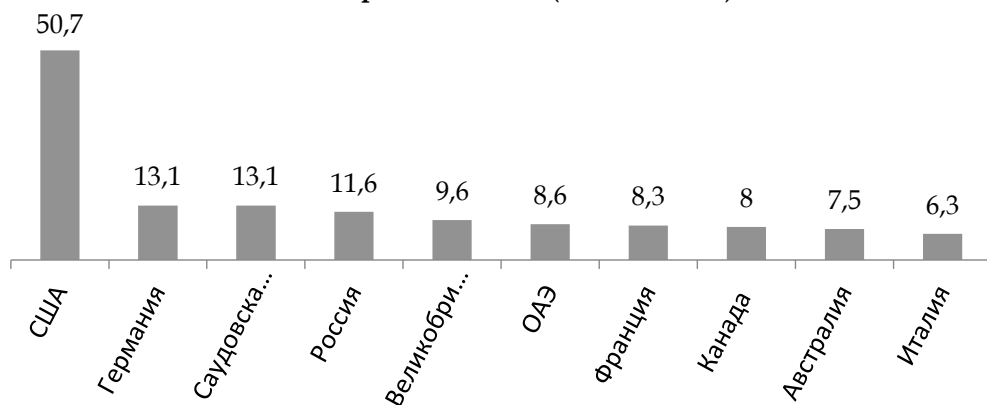
Как показывают исследования, её влияние на здоровье населения принимающей страны неоднозначно, и известен парадокс так называемого здорового мигранта. По данным ОЭСР, большинство мигрантов обладают более крепким здоровьем, физически более выносливы и психически устойчивы, чем население страны назначения. В особенности это характерно для иностранных работников в начальный период после их переезда [Щапенко И.П., Сауткина В.А., 2018]. Проведённые в США исследования показывают, что испано-американцы и другие категории приезжих меньше, чем местные жители, подвержены сердечно-сосудистым и некоторым онкологическим заболеваниям, отличаются лучшими показателями психического здоровья, мигрантов меньше в группах риска, стра-

дающих от ожирения, злоупотребляющих алкоголем и т.п. Несмотря на меньший охват медицинским страхованием и ограниченный доступ к медицинской помощи, и, соответственно, более редкое обращение за медицинской помощью, при прочих равных условиях, ожидаемая продолжительность их жизни оценивается даже выше, чем уроженцев принимающей страны [1].

Однако особенности положения США в том, что касается системы людских передвижения, повышают потенциальную опасность последних для здоровья местных жителей. Во-первых, Америка - центр притяжения массовых потоков населения, а это усиливает вероятность эпидемических угроз и сильно осложняет медицинский скрининг и тестирование прибывающих на территорию страны лиц. США, в частности, находятся на ключевых мировых маршрутах наиболее плотного пассажирского трафика. Согласно данным Министерства транспорта, в 2018 г. в страну прибыли из-за границы 119,8 млн авиапассажиров [2]. Кроме того, в 2019 г. через сухопутную границу с Мексикой туда приехали около 190 млн пассажиров, с Канадой – более 50 млн человек [3].

Америка позиционируется как один из главных центров международного туризма. По информации Всемирной туристской организации при ООН, в 2018 г. в США было зафиксировано 79,7 млн прибытий международных туристов (не считая 90 млн туристов, посетивших страну с однодневными экскурсиями), и по этому показателю страна занимала 3-е место в мире после Франции и Испании [4, р. 435]. Наконец, США – это крупнейший в мире реципиент иммигрантов (лиц, родившихся за пределами страны проживания). Как свидетельствуют данные ООН, Америка лидирует по числу населяющих её территорию выходцев из других государств (50,7 млн в 2019 г.), опережая с огромным отрывом все остальные страны мира (рис.1).

Рисунок 1. Страны – лидеры по числу проживающих на их территории иммигрантов, 2019 г. (млн человек)

Источник: [5].

Согласно данным Бюро переписи населения США, несколько отличающимся от вышеприведённых, но принципиально не меняющим картины, в 2018 г. численность мигрантов составляла 44,7 млн человек, а их доля в населении страны – 14%. С учётом потомков мигрантов в первом поколении указанные показатели достигали 90 млн и 28%, при этом, согласно прогнозу Исследовательского центра «Пью» (*Pew Research Center*), в 2065 г. долевого показатель может достичь 36% [6].

Во-вторых, входящие в США миграционные потоки характеризуются чрезвычайно низким уровнем регионализации*. Так, в 2018 г. среди 1,1 млн иностранцев, получивших вид на постоянное место жительства (ПМЖ) в США, 44% были уроженцами Латинской Америки, 36% – Азии, 10% – Африки [7]. Фактически состав потоков на 90% формируется из уроженцев развивающихся стран, находящихся на более низких, чем США, стадиях эпидемиологического перехода, где высока заболеваемость инфекционными заболеваниями и где зарождается большинство современных тяжёлых вирусных инфекций, таких как «азиатские гриппы», лихорадка Эбола в Африке, лихорадка Зика в Латинской Америке и т.п., распространяемых потом на другие континенты по каналам мобильности.

После того, как был принят закон «Об иммиграции и гражданстве» в 1965 г., произошёл масштабный переключатель географии потоков, отражающий изменения в приоритетах иммиграционной политики, растущее экономическое и военное присутствие США на Юге, взятие ими на себя определённых гуманитарных обязательств по приёму оттуда мигрантов из политически и экономически нестабильных государств. Это сказалось в трансформации структуры населения иностранного происхождения** (рис. 2).

* В 2019 г. лишь 2% всех иммигрантов в США были родом из Северной Америки (т.е., из Канады), тогда как в Европе примерно 52% приезжих приходилось на выходцев из стран того же самого макрорегиона, в Австралии и Новой Зеландии – 12%. США уступают многим странам и по регионализации исходящих потоков. Доля эмигрантов из США, проживавших в том же макрорегионе – Северной Америки (Канаде), составляла 30% от всех выбывших из США, тогда как среди эмигрантов из Европы 69% проживали в других государствах того же самого макрорегиона/континента, из Австралии и Новой Зеландии – 50% соответственно [5].

** Ещё в 1960 г. почти 85% приезжих приходилось на уроженцев стран Европы и Северной Америки, в основном Италии (13%), Германии (10%) и Канады (10%). В 2000 г. совокупная доля этих когорт снизилась до 19%, а в 2018 г. – до 13%. Одновременно вырос удельный вес мигрантов из стран глобального Юга. Ныне главными направлениями людских потоков в американской миграционной системе являются передвижения из Латинской Америки и Азии в США. За 1960–2000 гг. доля выходцев из Латинской Америки, в первую очередь из Мексики, Сальвадора, Кубы, из Доминиканской Республики и Гватемалы, повысилась с 10 до 52%. Однако данный показатель снизился до 50% в 2018 г. Это произошло на фоне стабилизации численности выходцев из этого региона и ускоренного роста численности выходцев из Азии, особенно из Индии, Китая, Филиппин, Вьетнама и Кореи, сопровождавшегося увеличением их доли в приезжих с 5% в 1960 г. до 26,4% в 2000 г. и 31,2% в 2018 г. Кроме того, в третьем тысячелетии стремительное умножение когорт выходцев из Африки (Нигерия, Эфиопия, Египет) привело к удвоению их доли, превысившей 5% в 2018 г. [8].

Рисунок 2. Структура проживающих в США иммигрантов по регионам происхождения, 1960–2018 гг. (%)

Источник: [8].

Анклавное расселение менее образованных и менее обеспеченных выходцев с Юга в депривированных кварталах со скученным проживанием и разрастание этих зон угрожают возникновением крупных очагов заболеваний на таких территориях в США. Иммигранты и их потомки, представляющие «небелые» этнические и расовые группы, больше подвержены контагиозным заболеваниям. Симптоматично, что первым выявленным 20 января 2020 г. заразившимся COVID-19 стал житель США, посещавший до этого семью в китайском Ухане. По данным Центров контроля и профилактики заболеваемости Министерства здравоохранения и социальных служб США по Нью-Йорку, заболеваемость COVID-19 и смертность от него у афроамериканцев и испаноамериканцев была выше, чем у белого населения [9].

В-третьих, наличие в США огромной армии незаконных мигрантов, оценивавшейся в 2017 г. Центром «Пью» в 5 млн человек (меньшей по сравнению с пиковым значением в 12,2 млн в 2007 г.), оборачивается ускользанием от санитарно-эпидемического контроля больших групп населения, составляющих примерно четверть общей численности приезжих и происходящих в основном из стран Юга. Половина недокументированных иностранных жителей приходится на нелегально въехавших в США, остальную часть составляют лица с просроченными визами или другими нарушениями правил пребывания и занятости. Примерно 78% «теневого» населения в США формируют выходцы из Латинской Америки, в том числе 47% из Мексики, при этом растёт доля государств так

называемого Северного треугольника Центральной Америки – Гватемалы, Гондураса и Сальвадора, а также из Азии [10].

В-четвёртых, США принимают относительно крупные по меркам развитых государств контингенты лиц, ищущих убежища, уступающие Германии, но сопоставимые с Францией и Испанией. В 2019 г. 84 тыс. лиц, ищущих убежища, обратились с первичными заявлениями в США. Основную массу просителей убежища составили выходцы из Венесуэлы, Китая, Гватемалы, Сальвадора и Гондураса. Помимо этого, в 2019 фин. г. страна переселила 30 тыс. беженцев из Республики Конго, Мьянмы, Украины, Эритреи, Афганистана и др. [6]. В отличие от трудовых мигрантов, здоровье лиц, гонимых войнами и преследованиями, обычно ослаблено физическими и психическими травмами и лишениями. Антисанитария и скученность проживания в лагерях для беженцев способствуют распространению там инфекций, обуславливая повышенный уровень заболеваемости в этой социальной группе [Marmo M., 2016].

Позиционирование США как главного реципиента населения со всего мира и одного из крупнейших центров международного туризма и транспортно-пассажирских узлов, преобладание выходцев с Юга среди приезжих в США и их потомков, проживающих там, стихийный характер значительной части миграционных потоков – повышают риски эпидемий, способствуют их проникновению и распространению в стране. Указанные особенности положения США в системе передвижений людей обуславливают необходимость активного применения и постоянной отладки противоэпидемических механизмов регулирования мобильности.

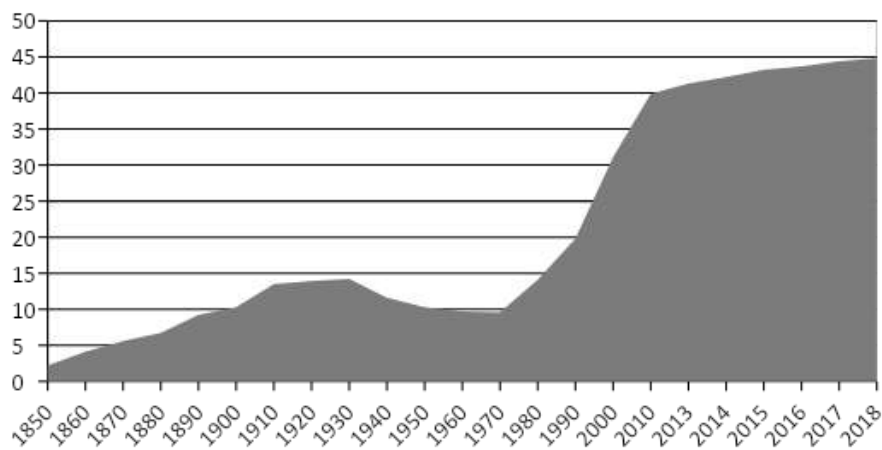
ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ МОБИЛЬНОСТИ ДО ПОЯВЛЕНИЯ КОРОНАВИРУСА

Учитывая, что иммиграция в США имеет давнюю историю (по меньшей мере, исчисляемую с начала XVII века), и ещё в 1850 г., когда впервые в переписи населения стало учитываться место рождения жителей Америки, в ней насчитывалось 2,2 млн. мигрантов, или 10% населения страны того времени (рис. 3) [6]. С 1881 по 1924 г. в страну прибыло около 25 млн иностранцев. При том, что между 1891–1924 гг. на медицинские основания приходилось менее 3% причин отказов иностранцам во въезде в США, в 1898 г. этот показатель составлял 2%, в 1913 г. – 57%, а в 1915 г. – 69%, включая хронические, в том числе психические заболевания, которые могли угрожать обременением системы социального обеспечения (*public charge*) [Markel H. and Stern A., 2002].

Уроженцам других стран зачастую вменялось в вину распространение инфекционных болезней, и они стали одной из главных мишеней противоэпидемических мер, применяемых уже не одно столетие. Например, ирландцев обвинили в том, что они в 1832 г. завезли в Америку холеру, получившую название ирландской болезни. В 1891 г. был издан закон, в котором впервые в истории страны было зафиксировано, что иностранцам, страдающими заразными забо-

леваниями, может быть отказано во въезде в страну по показаниям здоровья. В соответствии с данным правовым актом была введена обязательная процедура медицинского освидетельствования вновь прибывающих. Именно тогда уже стали применяться и противоэпидемические ограничения территориальной мобильности. В 90-е годы XIX века проживавших в Нью-Йорке выходцев из Европы, подозреваемых в качестве носителей тифа и холеры, поместили на карантин. Примерно в то же время в Сан-Франциско китайские иммигранты подверглись изоляции в Чайнатауне из-за опасений распространения ими бубонной чумы и оспы.

Рисунок 3. Динамика численности уроженцев других стран в США, 1850–2018 гг. (млн человек)

Источник: [11].

В последующие десятилетия правовая база регулирования въезда и пребывания иностранцев с учётом их медицинских показаний получила дальнейшее развитие. Закон «О службе общественного здоровья США» в 1944 г. расширил полномочия федерального правительства, связанные с запретом въезда иностранцев при угрозах общественному здоровью и в чрезвычайных ситуациях. В закон «Об иммиграции и гражданстве» 1952 г. (*Immigration and Nationality Act*) были внесены в 1965 г. поправки, по которым был расширен и уточнён список заболеваний, служащих причиной для отказа во въезде в США. В частности, определены следующие основания для отказа во въезде: 1) наличие у претендента инфекционных заболеваний, представляющих угрозу общественному здоровью; 2) отсутствие документов о сделанных прививках в соответствии с их утверждённым перечнем; 3) физические или умственные нарушения, чреватые общественно опасным поведением; 4) наркомания.

В соответствии с подобным законодательством в 80-е годы XX века особенно строгому иммиграционному контролю подвергались гаитянцы, у которых счи-

тался повышенным риск наличия ВИЧ. Более того, горячие дебаты по вопросу о том, является ли наличие ВИЧ основанием для отказа во въезде потенциальным иммигрантам, будоражившие США в 80-е – начале 90-х годов XX века, закончились введением в 1993 г. соответствующего запрета, просуществовавшего до 2010 г. В 2009 г. в волну эпидемии гриппа *H1N1* в некоторых аэропортах США стали измерять температуру у приезжавших из Мексики и других латиноамериканских стран, а также требовать заполнения ими специальной анкеты, чтобы идентифицировать путешественников с симптомами болезни.

В 2014 г. в условиях вспышки эпидемии лихорадки Эбола в Западной Африке власти США помогали службам аэропортов Гвинеи, Либерии и Сьерра-Леоне налаживать предвыездной осмотр, измеряя температуру и ведя анкетирование пассажиров для выявления носителей этого заболевания. Таким же процедурам подвергали в американских аэропортах людей, независимо от их гражданства, прибывавших из указанных стран в США или проследовавших через эти страны транзитом. Местным органам власти было дано указание наблюдать за состоянием здоровья этих людей в течение 21 дня после их прибытия в страну [1; 12].

За долгую историю иммиграции власти накопили немалый опыт регулирования в целях обеспечения здоровья и безопасности населения. Сформировалась система санитарно-эпидемического контроля за въезжающими иностранцами. Более того, противоэпидемические меры органично вписывались в русло иммиграционной политики, ещё более усиливая её традиционно ограничительный характер. Стратегия и, соответственно, практика этой политики отражали установку властей отбирать тех претендентов, которые будут способствовать процветанию страны, и не допускать в страну тех, кто мог нанести ей ущерб*. Начало подобному курсу, вероятно, было положено ещё в 1798 г., когда был принят закон «Об иностранцах», по которому президент наделялся правом депортировать любого иностранца, представляющего угрозу для США.

В последующие столетия иммиграционная политика формировалась в ходе противостояния рестриктивных и антирестриктивных тенденций с явным перевесом первых. В XXI веке яркими примерами резкого ужесточения иммиграционной политики могут служить меры, введённые в целях усиления национальной безопасности после теракта 2001 г., а также для защиты рынка труда от последствий глобального финансового кризиса 2007 г. и последовавшей за ним рецессии. В 2017 г. эстафету подобного курса приняла администрация Д. Трампа.

* «На протяжении многих десятилетий иммиграционная политика США носила достаточно жёсткий охранительный характер. С самого начала своего существования страна стремилась сформулировать основные требования к потенциальным новым членам общества. Отсюда многочисленные законодательные акты, действовавшие на протяжении десятилетий и ограничивавшие въезд людей по социальным, имущественным, медицинским показателям» [Никольская Г.К., 2018а: с. 115].

АНТИКОРОНАКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ Д. ТРАМПА

Широкомасштабные реформы американского общества, осуществляемые Д. Трампом под лозунгами «Америка прежде всего» (*America first*), «Покупайте американское и нанимайте на работу американцев» (*Buy American and Hire American* – указ президента от 18 апреля 2017 г.) затронули и иммиграционную политику. Преобразование иммиграционных правил осуществлялось по двум стратегическим направлениям: во-первых, усиление безопасности; во-вторых, приоритет защиты внутреннего рынка труда параллельно с отходом от курса на глобализацию [Лебедева Л.Ф., 2020; Никольская Г.К., 2018b]. В период президентства Д. Трампа ограничения в регулировании входящих людских потоков заметно укрепились. В первые же годы пребывания у власти новая администрация ужесточила правила въезда некоторых категорий иностранцев, повысила дисциплину погранично-патрульной службы, расширила полномочия сотрудников консульских служб в вынесении отказных решений по визовым заявлениям, активизировала работу судов по рассмотрению дел о депортациях и др. *

В то же время многие инициативы Д. Трампа, которые он выдвигал в ходе предвыборной кампании, связанные с ограничением нелегальной иммиграции и закручиванием гаек в сфере легальной иммиграции (*crackdown*), блокировались демократами. Однако пандемия, породившая масштабный и многомерный коронакризис в медицинской, экономической, социальной и политической областях, фактически развязала Д. Трампу руки для преобразований в этой сфере. Она укрепила связку между управлением международной мобильностью и политикой в сфере здравоохранения [14], выдвинув на первый план необходимость следовать строгим медицинским правилам контроля въезда в США. Чрезвычайный характер эпидемической ситуации требовал решительных шагов и, с правовой точки зрения, служил основанием наделять президента широкими полномочиями для осуществления таких мер. В результате вспышка пандемии подстегнула и резко интенсифицировала уже возобладавшую в первые годы президентства Д. Трампа тенденцию к ужесточению регулирования трансграничных людских перемещений. «В США прослеживается закономерная инструментализация эпидемии для продвижения рестриктивной иммиграционной повестки» [MacKellar F., 2020: 12].

В числе инициатив, направленных на сдерживание распространения COVID-19, – частичное закрытие границ, ужесточение медицинских проверок перед полётом и по приезде в США, организованных в 13 аэропортах страны, прекращение личных собеседований представителей консульских и иммиграционных служб с претендентами на получение американских виз, приостановка

* Назначенный Д. Трампом глава Службы гражданства и иммиграции США (*U.S. Citizenship and Immigration Services*) Ф. Сиссна предложил убрать из официальных документов, регламентирующих деятельность возглавляемого им ведомства, определение США как «нации иммигрантов» [13].

работы консульских служб по приёму и обработке заявлений на въезд и прошений о предоставлении убежища, постановка на паузу программы переселения беженцев, временное закрытие судов и прекращение слушаний по миграционным вопросам.

Подобные меры вводились по нарастающей траектории по мере ухудшения эпидемической ситуации в мире. Центры контроля и профилактики заболеваемости и Госдепартамент США призвали американцев не выезжать за границу, а находящихся там сограждан – вернуться домой. Однако из-за спешного характера введённых ограничений в пунктах пропуска через границы собирались многочасовые очереди пассажиров, которые ожидали дополнительного санитарно-эпидемического контроля в условиях, не соответствующих требованиям социального дистанцирования. Что, вероятно, сыграло роль в распространении вируса. В дальнейшем регулирование постепенно приобрело более упорядоченный и согласованный характер в рамках межведомственного подхода (*whole-of-government approach*) и более широкой системы противоэпидемических мер.

Ужесточение правил въезда привело к тотальным запретам на въезд иностранцев и помещению на карантин граждан и постоянных жителей США, побывавших на территориях с неблагополучной эпидемической ситуацией в предшествовавшие две недели. 31 января в «чёрный список» попал Китай, 29 февраля – Иран, 11 марта – все страны Шенгенской зоны, 14 марта – Великобритания и Ирландия, 27 мая – Бразилия.

Хотя противоэпидемические рестрикции Д. Трампа не носили столь широкого характера, как в большинстве других стран Севера (закрывавших въезд иностранцев из всех государств, в том числе и в рамках интеграционных объединений), их эффект усиливался одновременно с жёсткими ограничениями на въезд (*extreme vetting*), которые носили антитеррористическую направленность. Последние были введены Д. Трампом в 2017 г. в отношении выходцев из семи стран, а в 2020 г. – ещё шести государств. В результате в 2019 фин. г. были отвергнуты все визовые заявки (100%), поданные гражданами Северной Кореи, 89% – Ливии, 87 – Ирана, 81 – Сомали, 78 – Йемена, 75 – Сирии, 60% – Венесуэлы. Подобные ограничения стали также применяться в отношении Эритреи, Киргизии, Мьянмы, Нигерии, Судана и Танзании. Повысилась доля отказов в предоставлении въездных виз путешественникам из стран, формально не подпадающих под такие запреты, достигнув в 2019 г. у граждан Индии 28%, Мексики – 27, Китая – 18 % [6].

Помимо этого, 21 марта совместно с правительствами Канады и Мексики были закрыты границы Америки с этими странами для туристических, рекреационных и аналогичных по целям поездок (*non-essential travel*). Под эту категорию попали и передвижения лиц, ищущих убежища, которые не имели необходимых документов для въезда. Регулирующее этот режим распоряжение Погранично-таможенной службы США опиралось на закон «О тарифе» 1930 г., позво-

лявший её руководству закрывать любой пропускной пункт в случае возникновения угрозы для страны.

В общей сложности от южной сухопутной границы США разворачивали назад 80-85% людей, намеревавшихся попасть в Америку [Selm J., 2020: 41]. Как отмечается в исследовании Института миграционной политики США (*Migration Policy Institute*), это были «наиболее обширные в истории США запреты, обусловленные соображениями общественного здоровья» [14].

Эмблемой иммиграционной политики Д. Трампа считается строительство нового и реновация существующего участка стены на границе с Мексикой для перекрытия канала нелегального проникновения в страну. В разгар эпидемии строительство стены продолжились. Из бюджета Пентагона к весне 2020 г. было потрачено уже около 10 млрд долл. Возмущённые законодатели-демократы требуют остановить работы, так как присутствие больших групп строителей на территории южных штатов может быть опасным для самих рабочих и для жителей окружающих населённых пунктов. А деньги, по мнению оппонентов Д. Трампа, следует потратить не на стену, а на систему здравоохранения, поддержку малого бизнеса и борьбу с эпидемией [13]. Эта мера изначально не затрагивает примерно половину из числа нелегальных мигрантов – лиц с просроченными визами, которые законно прибыли в страну, причём, в основном, по воздуху. Вызывает также скепсис возможность остановить поток мигрантов, нелегально пересекающих границу. Более того, «милитаризация превратила “недокументированную” миграцию в США из циркулярного потока мигрантов в несколько штатов с последующим их оттоком в постоянное поселение мигрантов практически во всех штатах континентальной части США» [Постон Д., Моррисон П., 2018: 169]. Показательно, что, по данным Погранично-таможенной службы США, число задержаний возросло с 304 тыс. в 2017 г. до 397 тыс. человек в 2018 г., 852 тыс. в 2019 г., достигнув наивысшего уровня с 2007 г. [15]. При этом 99% всех задержаний приходилось на юго-западную границу США [6].

Поскольку «ковидной» весной в США было ликвидировано около 40 млн рабочих мест, и уровень безработицы вырос с 4,4 до 14,4%, угрожая повыситься до 25% [16], для борьбы с «невидимым врагом» и защиты занятости местного населения 22 апреля 2020 г. Д. Трамп подписал указ о приостановке выдачи видов на ПМЖ (*green card*) на 60 дней, действие которого впоследствии было продлено ориентировочно до конца 2020 г. В заявлении Д. Трампа отмечалось, что постоянные иммигранты «представляют угрозу для американского рынка труда во время восстановления экономики после вспышки *COVID-19*». Действие закона было призвано в первую очередь обеспечить «безработных американцев любого происхождения работой, когда экономика вернётся к жизни». В исследовании Института миграционной политики США приводится комментарий по поводу этой меры советника президента по вопросам иммиграции С. Миллера: «Первое и самое главное – это перекрыть вентиль новой трудовой иммиграции. Задача выполнена». В упомянутом исследовании также подчёркивается, что «США ста-

ли первой и, вероятно, остаются пока единственной страной, где ограничения мобильности чётко обосновывались не медицинскими рисками, а защитой рабочих мест и материального благополучия американских работников... Впервые в истории США соображения рынка труда указываются в качестве основания отложить въезд иммигрантов, которые должны были бы сделать это согласно иммиграционному законодательству» [17].

Временная приостановка иммиграции в США коснулась, в первую очередь, членов семей постоянно проживающих в Америке иностранцев, которые находились за пределами США, и была направлена, как выразился Д. Трамп, на прерывание подобной цепной иммиграции. По оценкам Института миграционной политики США, этот указ ежемесячно блокировал выдачу 26–27 тыс. видов на ПМЖ. Хотя, впрочем, и без того данный процесс приостановлен из-за прекращения личных собеседований с претендентами на визы. В результате иммиграция работников должна была сократиться на 15%, а членов семей постоянно проживающих иностранных граждан – на 35% [17].

Помимо этого, 22 июня Д. Трамп сделал заявление о приостановке на два месяца с возможностью продления до начала 2021 г. въезда иностранцев, представляющих риск для американского рынка труда после вспышки коронавируса. Отмечено, что примерно 20 млн рабочих мест было разрушено в отраслях, где широко используются высококвалифицированные приезжие временные работники (визы *H-1B*) и командированные сотрудники (визы *L*), а также, мигранты – стажёры, ученики на производстве (визы *J*), уровень безработицы среди местных труженников 16–19 лет в мае достиг 30%, в возрасте 20–24 лет – 23%. В связи с этим президент указывал, что въезд дополнительных работников из-за рубежа с неиммиграционными визами (*H-1B*, *H-2B*, *J*, и *L*) и сопровождающих их лиц представляет серьёзную угрозу занятости для американцев, пострадавших от экстраординарной дестабилизации экономики в условиях *COVID-19*. Кроме того, может быть приостановлена программа, в соответствии с которой 200 тыс. иностранных студентов, преимущественно из Китая и Индии, ежегодно работают в США.

В проводимом Д. Трампом курсе прослеживается усиление традиционно селективного характера политики. В условиях эпидемии подобная позитивная избирательность относится в первую очередь к зарубежному медперсоналу, играющему исключительно важную роль в национальной системе здравоохранения: в 2018 г. на долю иммигрантов приходилось 29% врачей, 38% ухаживающих за пациентами на дому сиделок и медсестёр, 23% аптечных фармацевтов [18]. Показательно, что ограничивающий иммиграцию апрельский закон Д. Трампа не затронул выдачу виз на ПМЖ в США для врачей и медсестёр, иностранных инвесторов, готовых вложить в американский бизнес как минимум 900 тыс. долл. (равно как и супругов и малолетних детей американских граждан). Кроме того, действующие в стране ограничения не распространялись на те, что связаны с профессиональной деятельностью, ведением бизнеса, учёбой, поставкой медицинских товаров, топлива и продуктов и другими важными причинами.

Июньский акт Д. Трампа не коснулся и определённых категорий временных иностранных работников. В особенности медицинских специалистов (визы *H-1B*) и сезонных рабочих в сельском хозяйстве (визы *H-2A*). Поскольку неиммигранты, связанные ограничениями работать в определённых секторах и на конкретных работодателей, представляли гораздо меньшую угрозу, чем постоянные резиденты, и далеко не всегда могли быть заменены местными кадрами. Более того, власти США отменили требование к сезонным рабочим проходить личное собеседование с сотрудниками консульств, чтобы облегчить процедуру получения виз. Таким работникам разрешён въезд в страну. Для того, чтобы обеспечить бесперебойную поставку продовольствия, введены временные правила, продлевающие до трёх лет сроки нахождения в США некоторых категорий не-сельскохозяйственных сезонных работников (визы *H-2B*) и упрощающие работодателям их наём в сфере производства, транспортировки и торговли продуктами питания, включая точки общественного питания.

В целом ставка на жёсткие меры в условиях чрезвычайной ситуации, запрет въезда иностранцев из многих стран, приостановка въезда ряда категорий иммигрантов и временных иностранных работников, огромные усилия по перекрытию каналов стихийных людских потоков указывают на гипертрофированное ужесточение регулирования мобильности. Вместе с тем в отношении адекватности подобных мер оценки экспертов расходятся. По мнению представителей ВОЗ, «ограничение передвижений людей и товаров во время чрезвычайных эпидемических ситуаций оказывается в большинстве случаев неэффективным и может отвлекать ресурсы от других мер». Сотрудники Института миграционной политики США считают подобные ограничения эффективными на ранних стадиях эпидемии, характеризуемых небольшим количеством локализованных очагов. Но когда вирус передается среди местного населения, результативнее в сдерживании вируса социальная дистанция и изоляция инфицированных людей. Поэтому рестрикции в отношении международных перемещений могут быть эффективны в составе более широких мер, ограничивающих *все* формы мобильности [14]. Основными же причинами взрывного и трагического развития эпидемии в США считаются запоздалое введение внутреннего карантина и неготовность системы здравоохранения к натиску вируса.

Хотя нынешний иммиграционный курс представляет чрезвычайный вариант развития наметившихся ранее рестриктивных тенденций, не похоже, что резкое ужесточение правил въезда и пребывания иностранцев в США в условиях вспышки эпидемии с отступлением последней уйдёт в прошлое как краткосрочный эпизод. Подобные ограничения представляются звеньями цепи масштабных и долгосрочных, нацеленных на перспективу преобразований в американской иммиграционной политике и сигнализируют о намечающемся перевороте в традиционной миграционной системе [Selm J., 2020]. Вместе с тем за такими изменениями просматривается и подтекст предвыборной агитации.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АМЕРИКАНСКОГО ЛОКДАУНА

Протекционистские миграционные меры администрации Д. Трампа в условиях эпидемии прямо и/или косвенно затрагивают другие государства, зарубежные компании определённых отраслей и группы иностранного населения.

Локдаун в США внёс вклад в кризисное падение экономической активности в сфере международного туризма и международных пассажирских перевозок, относящихся к числу наиболее пострадавших от эпидемии секторов. По данным Всемирной туристской организации, в мире в целом за первые четыре месяца 2020 г. число туристов сократилось на 180 млн, или на 44%, а доходы уменьшились на 195 млрд долл. В силу противоэпидемических ограничений, введённых в 2020 г. на 92% туристических направлений в Северную и Южную Америку к маю этого года число туристов, прибывших в страны этих континентов, сократилось на 36% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. [19]. Согласно данным Международной ассоциации воздушного транспорта, в 2020 г. ожидается сокращение потока авиапассажиров в Северную Америку на 85–118 млн, числа предлагаемых мест в самолётах – на 51–64%, доходов авиаперевозчиков – на 25–32 млрд долларов [20].

Учитывая, что США – крупнейший реципиент мигрантов и лидер по объёму денежных переводов мигрантов в другие страны (согласно предварительным оценкам партнёрства KNOMAD Всемирного банка (*World Bank KNOMAD staff estimates, Bilateral Remittance Matrix*) он составляет 178 млрд долл., т.е. 25% общемирового потока переводов в 2019 г.), продолжительный локдаун, сопровождающийся взлётом безработицы и падением доходов приезжих работников, свёртыванием трудовых потоков, отзовётся *сокращением денежных переводов мигрантов* в страны их происхождения*. В мае в США среди иммигрантов уровень безработицы составлял 16% (среди местных уроженцев – 13%) [16]. Особенно высоких отметок этот показатель достигал у приезжих в отраслях, понёсших наибольший урон от коронавируса, где как раз сосредоточена основная часть иммигрантов: индустрия досуга и гостиничный бизнес – 39% (38% среди местных работников), услуги населению – 26% (21%), розничная торговля – 20% (18%) транспорт – 21% (10%) [22, р. 11]. Кроме того, приезжие, не имеющие вида на ПМЖ, временных рабочих виз или гуманитарного статуса, сталкиваются с большими, чем местное население, сложностями в получении социальной помощи, в том числе пособий по безработице, продуктовых карточек и др. При этом, ориентируясь на распоряжение президента, согласно которому иностранцы, пользовавшиеся социальной помощью (продуктовыми карточками и меди-

* По прогнозам МВФ и Всемирного банка, общемировые потоки денежных переводов мигрантов в страны с низким и средним уровнем дохода сократятся на 20%: с 554 млрд в 2019 г. до 445 млрд в 2020 г., в том числе в Южную Азию – на 22%, Тропическую Африку – на 23%, Латинскую Америку – на 19%, Ближний Восток – на 20%, Европу и Центральную Азию – на 28%, Восточную Азию и Тихоокеанский регион – на 13% [21, р. 14].

цинскими услугами в системе «Медикейд» не могли претендовать на ПМЖ (“*public charge*” rule), многие иммигранты отказывались от подобной помощи до тех пор, пока (13 марта) Служба гражданства и иммиграции не заморозила действие этого правила на время эпидемии.

Последствия противозидемических мер США в наибольшей мере ощущают государства, являющиеся главными донорами мигрантов в Америку и основными реципиентами переводов последних. В первую очередь Мексика (объём переводов в которую, согласно предварительным данным KNOMAD, достиг в 2019 г. 37 572 млрд долл., пятая часть всех переводов из США), Китай (18 826 млрд долл. – почти десятая часть), Индия (14 378 млрд долл.) и Филиппины (13 654 млрд долл., 8%), Гватемала (9641 млрд долл.), Вьетнам (9092 млрд долл.), Нигерия (6323 млрд долл.), Доминиканская Республика (5570 млрд долл.), Сальвадор (5133 млрд долл.), Гондурас (4606 млрд долл.).

Хотя статистика иммиграции, а также рейтинги миграционной привлекательности стран, составляемые разными организациями, указывают, что США остаются главным магнитом для жителей остальной части мира, усиливающаяся закрытость Америки и рестриктивность её иммиграционной политики сказывается в *сжатии входящих потоков*. Эта тенденция особенно чётко обозначилась с 2017 г. – в период президентства Д. Трампа*. По данным ООН, среднегодовые темпы прироста численности мигрантов в США, составлявшие 4% в 1990-е годы, 2,4% – в нулевые, 1,7% – в 2010–2015 гг., снизились до 1,3% в 2015–2019 гг. Доля США в общемировой численности мигрантов сократилась с 20,5% в 2005 г. (максимальный уровень XXI века) до 18,6% в 2019 г. На этапе распространения коронавируса рост приезжих был фактически заморожен.

Ограничения вводятся в отношении расширяющегося числа иностранцев, среди которых в категории нежелательных оказываются учёные, инженеры и студенты. Согласно данным Национального фонда американской политики (*National Foundation for American Policy*), уровень отказов в предоставлении виз H-1B вырос с 6% в 2015 фин. г. до 21% в 2019 фин. г. [25]. (В ответ на американские рестрикции другие государства Севера активизируют усилия по привлечению талантов на свою территорию, формируются центры их притяжения и на Юге. Это может угрожать постепенной переориентацией части интеллектуальных потоков на другие страны и ослаблением технологических позиций США.)

Противозидемические меры США, как и большинства других государств Севера, снявших с себя значительную часть прежде взятых гуманитарных обязательств, *подорвали функционирование системы предоставления убежища*.

* Ограничения сказываются в сокращении миграционного оборота России с США. Число прибывших в 2019 г. из США в Россию (856 человек) находится на минимуме с 2012 г. Число выбывших (1409) – также среди наименьших за этот период [23; 24]. Численность россиян в США, хотя и относительно стабильна, но все же имеет тенденцию к снижению после финансового кризиса [6].

Ограничение приёма вынужденных мигрантов соответствовало настроениям основной массы американцев. Согласно опросу Центра «Пью» в июле 2019 г., 74% респондентов считали важным уменьшить число людей, прибывающих в США в целях поиска убежища [15].

Запрет на въезд в США иностранцев из государств «чёрного списка» фактически распространялся и на лиц, ищущих убежища. При закрытии сухопутных границ США с Мексикой и Канадой передвижения таких мигрантов были тоже заблокированы. В рамках распоряжения Центров контроля и профилактики заболеваний под предлогом возникновения угроз скученности и заражения в пунктах пропуска через южную сухопутную границу США, положение на которой традиционно напряжено, весной 2020 г. был прекращён пропуск в страну соискателей убежища, которые не имели необходимых для въезда документов. Таких мигрантов досматривали на открытом воздухе, не пропуская в США, и возвращали в Мексику и другие страны, из которых они приехали, или на родину*, оставляя там ожидать решения властей США. Это, в свою очередь, усугубляло и без того катастрофическую ситуацию в переполненных лагерях Мексики, где остро не хватало самых элементарных удобств и услуг, повышало риски распространения в этих районах коронавируса. В мае более 60 тыс. беженцев проживали на мексиканской стороне границы с США, ожидая своей участи.

Единственным открытым для беженцев каналом прибытия в США оставался прилёт из стран, с которыми сохранялось авиасообщение, однако и эта возможность была весьма эфемерной. В результате после восьми лет роста числа принимаемых Службой гражданства и иммиграции США первичных прошений о предоставлении убежища от лиц, находившихся на территории США, в период президентства Д. Трампа происходит его снижение: с 140 тыс. в 2017 фин. г. до 84 тыс. человек в 2019 фин. г. Ситуация усугубляется из-за одновременного сокращения доли одобренных американскими властями прошений с 37 до 31%, а также позитивных решений, вынесенных по апелляциям и заявкам, рассматривавшимся в судебном порядке, с 37% до 29% соответственно [6]. Предложенный 15 июня 2020 г. администрацией Д. Трампа проект новых правил предоставления убежища существенно ограничивает основания последнего.

Кроме того, была серьёзно урезана, а затем приостановлена программа переселений беженцев. С 1980 г., когда был принят закон «О беженцах» и инициирована программа их переселения, на территорию США было перевезено около 3 млн беженцев (для сравнения, в Канаду – 658 тыс., Австралию – 486 тыс. человек). В США размеры их ежегодных контингентов, устанавливаемые президен-

* Ещё в 2018 г. резкий рост числа соискателей убежища из Центральной Америки, собиравших караваны мигрантов, вызвал на границе кризисную ситуацию. Ответной реакцией администрации Д. Трампа стала политика «Оставайтесь в Мексике», которая предписывала лицам, ищущим убежища в США, ожидать решения американских властей на территории Мексики, а не в центрах временного содержания на территории США, как прежде.

том, постоянно превышали аналогичный показатель всех остальных стран, вместе взятых. Однако при Д. Трампе число таких переселенцев стало резко снижаться: 97 тыс. в 2016 г., 33 тыс. в 2017 г., 23 тыс. человек в 2018 г. Более того, в 2018 г. США уступили место лидера переселения Канаде (28 тыс. человек) [26]. На 2020 г. установлен потолок всего в 18 тыс. человек.

Подобные ограничения усугублялись массовыми депортациями лиц, получивших отказ в предоставлении убежища, и других категорий мигрантов, незаконно находящихся в США. Стремясь выполнить обещание депортировать из США 3 млн нелегальных мигрантов с судимостью, Д. Трамп инициировал масштабные высылки незаконно проживавших там иностранцев, включая лиц, получивших отказ в убежище, в государства Северного треугольника Центральной Америки и на Гаити. Эта кампания поддерживалась большинством населения страны, в том числе более 80% сторонниками республиканцев. В первые три месяца 2020 г. было депортировано около 12 тыс. гватемальцев [Selm J., 2020: 42].

В контексте протекционистских противоэпидемических мер *ухудшаются отношения США с другими странами, нарастают конфликты в рамках международных организаций*. Массовые депортации из США нелегальных мигрантов, среди которых оказывались инфицированные коронавирусом, встречали негативную реакцию стран их обратного приёма. Более того, эпидемия стала использоваться странами исхода и транзита нелегальных мигрантов как предлог для уклонения от обратного приёма депортированных, как это было в случае отказа принять Гватемалой высланных из США мигрантов на основании заражения коронавирусом. В ответ Д. Трамп пригрозил ограничить выдачу виз гражданам тех стран, которые отказываются принимать депортированных во время пандемии. Справедливости ради надо отметить, что в условиях вспышки эпидемии власти США стали выпускать из-под стражи некоторые категории нелегальных мигрантов (престарелых, детей, беременных женщин). Была ограничена высылка иностранцев, лишившихся права оставаться на их территории, в том числе соискателей убежища, получивших отказ в его предоставлении. Однако данный жест гуманизма был продиктован не столько гуманитарными соображениями, сколько практической невозможностью выслать их из-за ограничений передвижений и угроз безопасности работников иммиграционных служб.

При этом администрация Д. Трампа стремится переложить, по крайней мере, часть ответственности за крайне тяжёлые для Америки последствия эпидемии и вызванного противодействием ей локдауна на внешних субъектов: в частности, на ВОЗ, дававшую, по мнению американской стороны, неверные рекомендации в отношении противоэпидемических мер. В ответ США приостанавливают участие в работе и финансирование этой организации. Ответственность перекладывается также на Китай, обвиняемый в сокрытии информации о распространении опасного вируса. В рамках антикитайской кампании Д. Трамп заявил, что в целях борьбы с хищениями интеллектуальной собственности в 2020 г. перекрывается въезд в США учёным, инженерам и студентам из Китая.

Внутреннее социальное неблагополучие и нестабильность, обусловленные эпидемией в США, транслируются за пределы страны, вызывая в мире новые линии и очаги напряжения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Миграционная политика периода пандемии была чётко ориентирована на обеспечение санитарно-эпидемической безопасности граждан и защиту их социально-экономических интересов. В этих целях власти США предприняли беспрецедентные меры в области резкого ужесточения правил приёма иностранцев и ограничения трансграничной мобильности. Запрет на прибытие авиапассажиров, находившихся до этого в странах с неблагополучной эпидемической ситуацией, ограничения по передвижениям через границы с Канадой и Мексикой считаются рациональными и обоснованными слагаемыми ответа на пандемию [14]. Приостановка въезда из-за границы иммигрантов на ПМЖ и временных иностранных работников отвечает задачам протекционистской защиты американского рынка труда, сильно пострадавшего в результате противоэпидемических мер. Хотя, как следует из заявлений Д. Трампа, подобные ограничения носят ситуативный, приуроченный к пандемии, и преходящий характер, в них заложен потенциал серьёзных изменений в миграционной политике и в более широкой перспективе – в международных отношениях с другими, в том числе ключевыми игроками на мировой арене, в частности с Китаем, и в рамках глобальных организаций типа ВОЗ.

ИСТОЧНИКИ

1. Eric D. Carter When Outbreaks Go Global: Migration and Public Health in a Time of Zika. Migration Information Source. 2016; July 7. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/article/when-outbreaks-go-global-migration-and-public-health-time-zika> (accessed 20.06.2020).
2. U.S. Department of Transportation, Bureau of Transportation Statistics, Air Carriers data, T-100. Available at: <https://www.bts.gov/content/air-passenger-travel-arrivals-united-states-selected-foreign-countries-thousands-passengers> (accessed 02.06.2020).
3. U.S. Department of Transportation, Bureau of Transportation Statistics, Border Crossing/Entry Data. Available at: <https://www.bts.gov/content/us-mexican-border-land-passenger-gateways-entering-united-states>; <https://www.bts.gov/content/us-canadian-border-land-passenger-gateways-entering-united-states> (accessed 05.06.2020).
4. Compendium of Tourism Statistics, Data 2014–2018, 2020 Edition. Madrid: UNWTO, 2020. 600 p.
5. International Migrant Stock 2019 (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2019).

6. Batalova J., Blizzard B., Bolter J. Frequently Requested Statistics on Immigrants and Immigration in the United States. February 14, 2020. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/article/frequently-requested-statistics-immigrants-and-immigration-united-states> (accessed 02.06.2020).

7. Migration Policy Institute tabulation of data from U.S. Department of Homeland Security. Available at: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics>. (accessed 07.06.2020).

8. Regions of Birth for Immigrants in the United States, 1960-Present. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/regions-immigrant-birth-1960-present> (accessed 22.06.2020).

9. COVID-19: Data. Available at: <https://www1.nyc.gov/site/doh/covid/covid-19-data.page>; COVID-19 in Racial and Ethnic Minority Groups. Available at: <https://www.cdc.gov/coronavirus/2019-ncov/need-extra-precautions/racial-ethnic-minorities.html> (accessed 12.06.2020).

10. 5 facts about illegal immigration in the U.S. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/12/5-facts-about-illegal-immigration-in-the-u-s/> (accessed 13.06.2020).

11. Facts on U.S. Immigrants, 2017, June 3, 2019. Available at: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2019/06/03/facts-on-u-s-immigrants> (accessed 22.06.2020).

12. Chishti M., Hipsman F., Pierce S. Ebola Outbreak Rekindles Debate on Restricting Admissions to the United States on Health Grounds. October 23, 2014. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/article/ebola-outbreak-rekindles-debate-restricting-admissions-united-states-health-grounds> (accessed 20.06.2020).

13. Никольская Г.К. Иммиграционная политика США в условиях COVID-19. 04.05.2020. Available at: <https://www.imemo.ru/news/events/text/immigratsionnaya-politika-ssha-v-usloviyah-covid-19> (accessed 12.05.2020).

14. Chishti M. and Pierce S. Crisis within a Crisis: Immigration in the United States in a Time of COVID-19. March 26, 2020. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/article/crisis-within-crisis-immigration-time-covid-19> (accessed 02.04.2020).

15. Gramlich J. How border apprehensions, ICE arrests and deportations have changed under Trump. March 2, 2020. Available at: https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/03/02/how-border-apprehensions-ice-arrests-and-deportations-have-changed-under-trump/ft-20-02-24_trumpimmigrationenforcement_1 (accessed 17.05.2020).

16. U.S. Unemployment Trends by Nativity, Gender, Industry, & More, Before and During Pandemic. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/programs/migration-data-hub/us-unemployment-trends-during-pandemic> (accessed 19.06.2020).

17. The U.S. Stands Alone in Explicitly Basing Coronavirus-Linked Immigration Restrictions on Economic Grounds. Available at:

<https://www.migrationpolicy.org/article/us-alone-basing-immigration-restrictions-economic-concerns-not-public-health> (accessed 02.06.2020).

18. Gelatt J. Immigrant Workers: Vital to the U.S. COVID-19 Response, Disproportionately Vulnerable. MPI; 2020. 14 p. Available at:

<https://www.migrationpolicy.org/research/immigrant-workers-us-covid-19-response> (accessed: 20.05.2020).

19. UNWTO World Tourism Barometer and Statistical Annex, Update June 2020. Available at: <https://www.e-unwto.org/doi/abs/10.18111/wtobarometereng.2020.18.1.3> (accessed: 20.05.2020).

20. Economic Impacts of COVID-19 on Civil Aviation. Available at: <https://www.icao.int/sustainability/Pages/Economic-Impacts-of-COVID-19.aspx> (accessed 02.06.2020).

21. COVID-19 Crisis Through a Migration Lens. WB Migration and Development Brief. 2020 (32). 42 p. Available at: www.knomad.org/sites/default/files/2020-04/Migration%20and%20Development%20Brief%2032_0.pdf (accessed 08.06.2020).

22. Capps R., Batalova J., and Gelatt J. COVID-19 and Unemployment: Assessing the Early Fallout for Immigrants and Other U.S. Workers. June 2020/ 15 p. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/research/covid-19-unemployment-immigrants-other-us-workers> (accessed 09.06.2020).

23. Демографический ежегодник. М.: Росстат, 2019.

24. Социально-экономическое положение России - 2020 г., январь. Available at: https://gks.ru/bgd/regl/b20_01/Main.htm (accessed 09.06.2020).

25. NFAP Policy Brief. February 2020. H-1B Approved Petitions and Denial Rates for FY 2019. Available at: <https://nfap.com/wp-content/uploads/2020/02/H-1B-Denial-Rates-Analysis-of-FY-2019-Numbers.NFAP-Policy-Brief.February-2020-1.pdf> (accessed 09.06.2020).

26. Canada now leads the world in refugee resettlement, surpassing the U.S. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/19/canada-now-leads-the-world-in-refugee-resettlement-surpassing-the-u-s>; <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/17/key-findings-about-u-s-immigrants> (accessed 02.06.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лебедева Л.Ф. 2020. Подходы к экономической и социальной безопасности в период президентства Д. Трампа. *США & Канада: экономика, политика, культура*, № 50(2). С. 29-42. DOI: 10.31857/S268667300008239-2

Никольская Г.К. 2018a. Протекционизм Дональда Трампа и глобальный рынок рабочей силы. *Общество и экономика*. № 7. С. 113-128.

Никольская Г.К. 2018b. Социальные и политические аспекты иммиграционной политики США. *Международная экономика*. № 3. С. 44-62.

Омран А.Р. 2019. Теория эпидемиологического перехода: взгляд 30 лет спустя. *Демографическое обозрение*. №6(1) С. 177-216.

Постон Д., Моррисон П. 2018. Демография стены Трампа. *Демографическое обозрение*. № 5(4). С. 165–170. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8667>

Цапенко И.П., Сауткина В.А. 2018. Глобальные миграции и экономика здравоохранения. *Terra economicus*. № 16(1). С. 84–100.

REFERENCES

Lebedeva L.F. 2020. Approaches to Economic and Social Security in U.S. under D. Trump's Presidency. *USA & Canada; Economics, Politics, Culture*. No 50(2). P. 29-42. DOI: 10.31857/S268667300008239-2

MacKellar F. 2020. COVID-19: Demography, Economics, Migration and the Way Forward. *Migration Policy Practice*. No. X (2). P. 8-14.

Markel H. and Stern A. 2002. The Foreignness of Germs: The Persistent Association of Immigrants and Disease in American Society. *The Milbank Quarterly*, No 80(4). P. 757–788. DOI: 10.1111/1468-0009.00030

Marmo M. 2016. Society and Health of Migrants. *European Journal of Epidemiology*. No. 31. P. 639-641.

Nicolskaya G.K. 2018a. Donald Trump's Protectionism and the Global Labor Market. *Society and Economics*, No. 7. P. 113-128.

Nicolskaya G.K. 2018b. Social and Political Aspects of US Immigration Policy. *International Economics*. No. 3. P. 44–62.

Omran A.R. 2019. The Epidemiologic Transition Theory Revisited Thirty Years Later. *Demographic Review*. No. 6(1). P. 177-216.

Poston D., Morrison P. 2018. The Demography of Trump's Wall. *Demographic Review*. No 5(4). P. 165-170.

Selm J. 2020. A Pandemic-fueled Approach to Immigration in the United States and the Neighbouring Region. *Migration Policy Practice*. No. X (2). P. 40-47.

Tsapenko I.P., Sautkina V.A. 2018. Global Migrations and Health Economics. *Terra economicus*. No. 16(1). P. 84-100.

Информация об авторе /Information about the Author

ЦАПЕНКО Ирина Павловна, доктор экономических наук, зав. сектором, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23.

Irina P. TSAPENKO, Doctor of Economics, head of the sector, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. 23, Profsoyuznaya St., 117997, Moscow, Russian Federation.